

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • КУЛЬТУРА

Мальчик в шляпе

Екатеринбург как столица красоты периода дефолта культуры

Фото: Елена Бердникова / «Новая газета»

16:58, 28 сентября 2024,

Елена Бердникова

специально для «Новой газеты»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Недавно коллега Владимир Пастухов* предположил, что случился «дефолт русской культуры». Да нет, ее просто перечеркнули. Отменили изнутри. Азбука забыта. Школьная программа. Это временная амнезия. Бывает. Но это не дефолт.

Субботним вечером в августе возле екатеринбургского Дворца молодежи — позднее катанье. Не как у Окуджавы, где «на передней лошади едет император... следом — дуэлянты, флигель-адъютанты. Блещут эполеты». Здесь катается не прошлое. Будущее.

Перед Дворцом молодежи — площадь. Рядом — скейт-парк. И как ласточки небо — во всех направлениях бетон и гранит чертят дети. На скейтах — подростки и парни, на самокатах — начальная школа. Солнце уходит в перспективу ВИЗ-бульвара — он начинается к западу от скейт-парка, а поверх вечерней зари на всех выливается ветер.

В Екатеринбурге почти всегда дует северо-западный или западный ветер, такая жесткая, однозначная роза ветров. Ветер из Европы, однако в нем — никакой мягкости. Никакого Гольфстрима. И даже Балтика, откуда в конечном счете этот норд-вест, здесь не та, что в Петербурге.

Норд-вест в городе на горах — железный, лютый в любой сезон. Он хватче и морознее норд-оста, «северо-востока», слегка мазохистски воспетого Максимилианом Волошиным.

«Жгучий ветер полярной преисподней», ну-ну. Наш эллин из Коктебеля верно уловил вектор русской истории — движ на

северо-восток: к Суздалю, Полярному Уралу и Сибири, на восток Арктики в конечном счете. Но с ветром он что-то недодумал.

По крайней мере, в Екатеринбурге кажется так. Здесь ясно, что западный ветер толкает нас вперед. Петербургский бриз ставит на путь — обживать ледяные просторы «положительно и окончательно», как выразился у Льва Толстого в «Анне Карениной» один противный купец.

Пока не получается. Нужны передышки.

И вот — на миг — дуван цивилизации, на бреющем полете подрывающий людей и несущий их к Тихому океану — делать правильные, трудные дела, причинять добро — стих. Бывает и затишье, не одна же История? Мы ведь не пионеры, даже не скауты, что должны быть «вечно готовы».

И даже у скаутов есть Великий праздный час. Главная песня — про мирные поля.

*Слети к нам, тихий вечер,
На мирные поля,
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.*

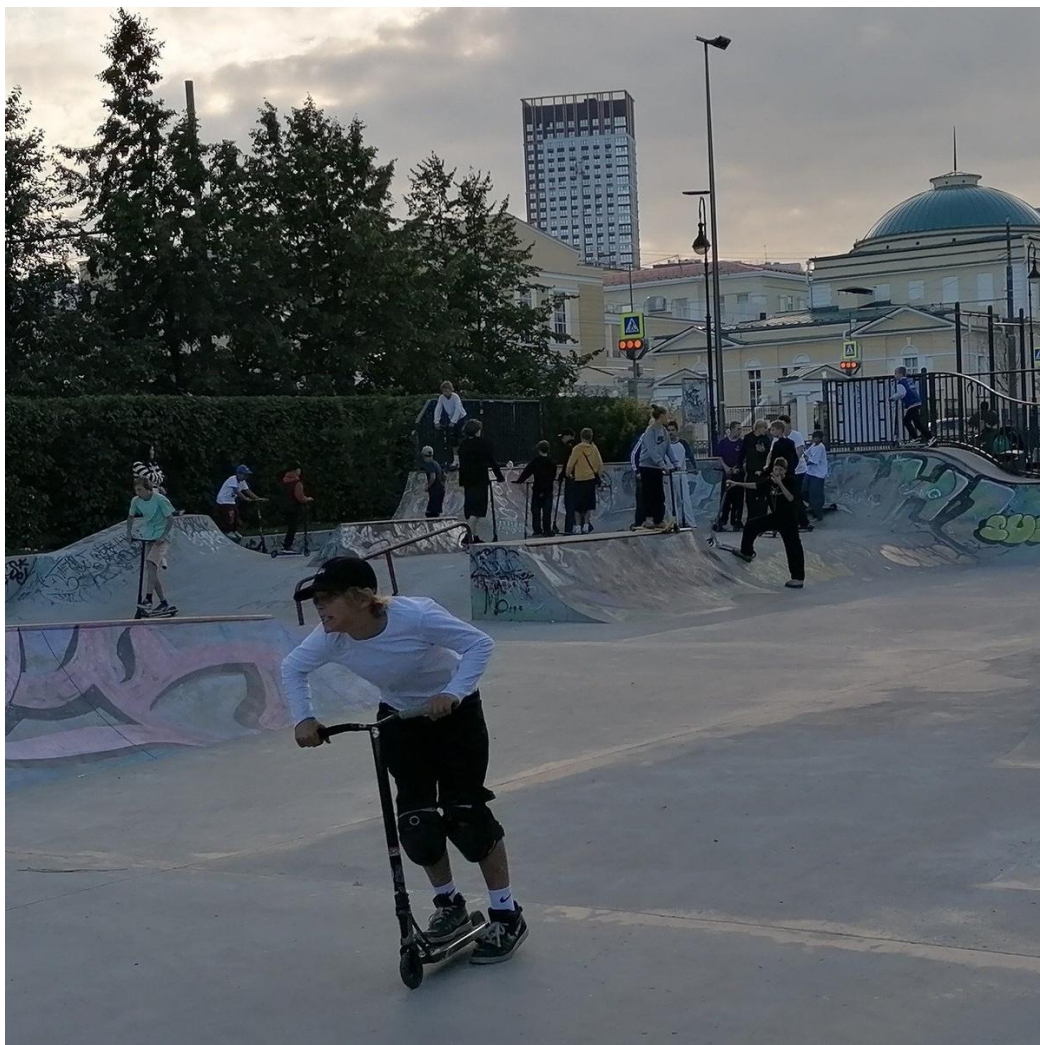

Фото: Елена Бердникова / «Новая газета»

Дети, как ласточки, катаются до упора, до сумерек и в них — почему-то только мальчики; как странно. А взрослые парни просто сидят на скамьях, идут мимо, все в черном. Самоуглубленные, потерянные, уверенные, всякие.

Смутноликое, немарко одетое юношество
времен мужской беды: штык-ножей,
мобпредписаний, денежных довольствий.
Сосредоточенное племя поры вещмешков и
сухпайков.

Оно — возле того же скейт-парка, но от детей и подростков их отделяют не считанные годы — стена. Дети вырастут к моменту, когда сегодняшние проклятые вопросы будут так или иначе решены. А молодые люди в черном и есть те, на чью долю эти насущные темы выпали как непредвиденный ЕГЭ.

Юноши не хотят никому смотреть в лицо. Они смотрят в глаза истории, что-то в ней разгадывают.

Екатеринбург, Урал, опорный край державы, переоделся в черное.

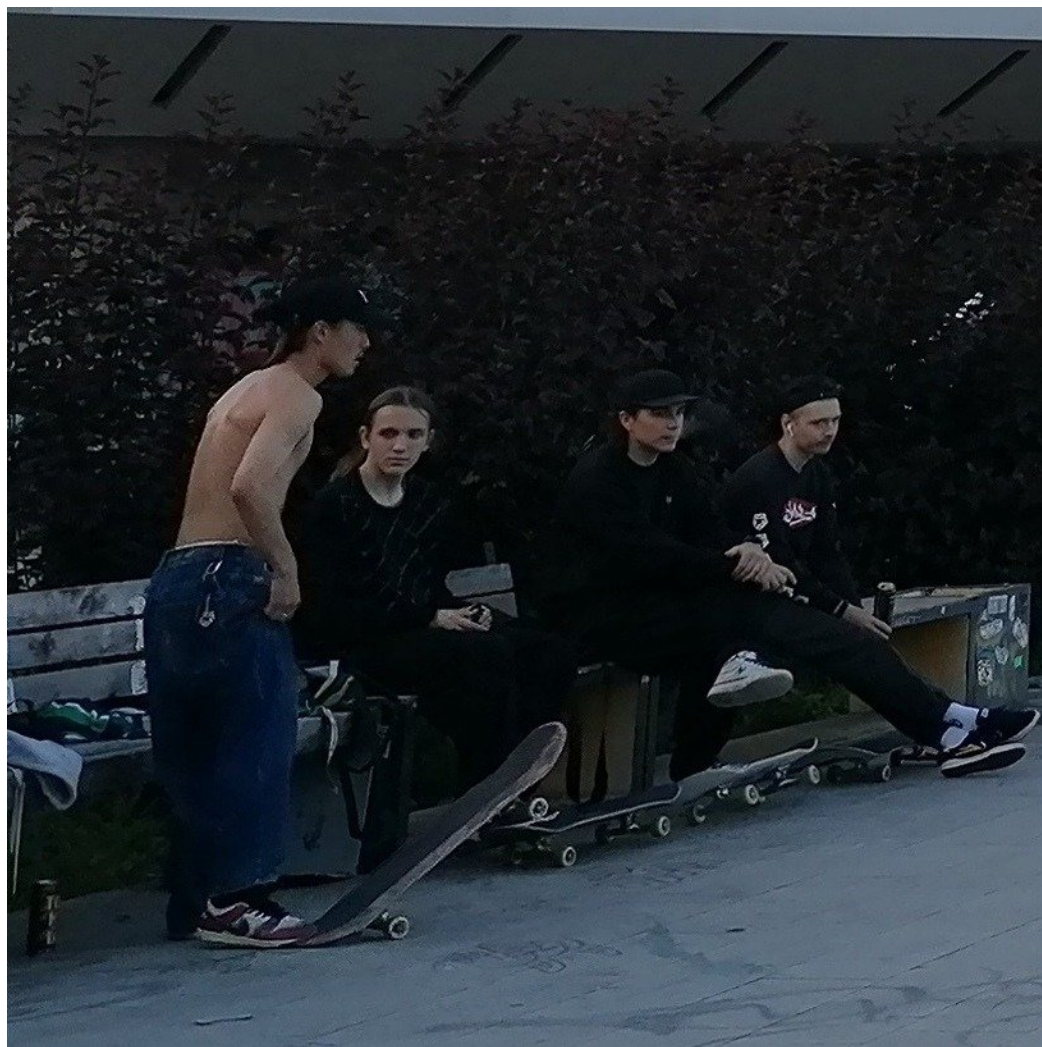

Фото: Елена Бердникова / «Новая газета»

Прежде никто не мог переобмундировать местных ребят: помнится, в сентябре 2020-го лжеказачьи патрули ходили по

центру, «предъявляли за шмот», за яркость — модным, цветисто одетым парням.

«Казаков» тогда всем городом одернули. Накал спора в Сети был велик, уполномоченная по правам человека в Свердловской области Татьяна Мерзлякова осудила «ряженных» на сайте омбудсмана: «Полагаю, проводимая сейчас полицией города проверка позволит понять, кто и почему взял на себя такую миссию — судить других жителей. Такими полномочиями ни государство, ни общественность этих людей не наделяли». Оренбургское казачье войско их не признало своими и осудило. Самоназначенные патрули исчезли.

Город доказал базу: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Подумать только: спустя почти два века после написания «Евгения Онегина» России снова как-то непамятны, недоходчивы эти слова, хотя декларативно за памятники Пушкину она готова сесть на броню и поехать навстречу ветру.

Но если в новом ролике, рекламирующем службу по контракту, брутальное открывание банки тушенки ножом противопоставлено питью смузи через соломинку как чему-то декадентски-девчачьему — значит, пушкинские слова явно забылись:

*...мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.*

*Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.*

Сейчас наше юношество в черных толстовках бредет по улицам, перекинув куртки в тонах камуфляжа через плечо. Камуфляж — потому что оно хочет уцелеть. Жизнь и будущее — задача юности, вопль всех клеток.

«Что ждет эту молодость?» — спрашивал Бунин осенью 1918 года, глядя на идущих под мокрым снегом гимназисток.

«Красота и радость. Особенно была хороша одна — прелестные синие глаза из-за поднятой к лицу меховой муфты... Что ждет эту молодость?»

Фото: Елена Бердникова / «Новая газета»

В 2017 году, делая фото молодых екатеринбуржцев, я не задавалась вопросом «Что ждет эту молодость?». Лишь посчитала, что у меня перед глазами разворачивается пока

невиданный, не отмеченный никем другим феномен: парад русских европейских денди. Дефиле новой, сложной, одухотворенной красоты. «Красоты и радости», говоря словами классика.

Все в Екатеринбурге — красиво.

И первый поэт Борис Рыжий (1974–2001). И выбранный народом в 2013 году мэр (глава города, если точно называть должность) Евгений Ройзман*. И тысячи невиданно красивых людей. Раскрепощенных — кто знает, чем? Богатством? Да, уже век в Екатеринбург льются деньги: в 1923 году этот бывший уездный город Пермской губернии стал столицей Уральской области, гигантского прообраза УРФО, агломерата из Пермской, Челябинской, Тюменской и Екатеринбургской губерний и Аргаяшского кантона Башкирии: тоже ведь Урал, настоящий.

Бум конструктивизма — из той эпохи. А эксцессы купеческого Екатеринбурга, смесь барокко и неоготики — от бешеных денег «золотой лихорадки» XIX века. Те деньги ушли, как пена, — остались здания. Что-то осталось.

Столица метарегиона Урала не бедна и сейчас: согласно Росстату, два региона, входящие в УРФО — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ, дают стране треть всех ее налогов.

Это советская, из 1920-х, мода — пристегивать исконную Сибирь, Тюменскую область к Уралу — материально помогла городу, хотя нависание «Тюмени» с ее хтонической толщей Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и не радует город мастеров.

Или все дело в сопротивлении? В том, что людей освобождает протест? Ведь все триста плюс один год своего существования город-завод на Исети борется против своей судьбы. Против кармы — быть служивым, служебным, распланированным, подчиненным «общему замыслу» имперским проектом: добывать полезные ископаемые (исторически первый вуз здесь — Горный), плавить руду, делать машины на «Уралмаше» и еще 220 заводах.

Фото: Елена Бердникова / «Новая газета»

В эпоху Просвещения и расцвета масонства этот Град на Горе был задуман как инструмент типа масонского молотка. И как совершенное место роста душ. Душа с молотком, роль и порыв постоянно спорят, оттого здесь трудно: напряг висит в воздухе. Но энергия — освобождает. Конфликт идет на пользу. По крайней мере — стилю и имиджу.

Все здесь чрезвычайно, размашисто и жутко как флуоресцентное блистание дискотек: и вспышки рок-клуба в 1980-х («Наутилус» и другие), и наркокатастрофа 1990-х, когда — как следует из книги Евгения Ройзмана «Город без наркотиков» — милиция поутру собирала умерших наркоманов с газонов. На местном языке у некоторых это называлось «расширять сознание».

Екатеринбург ненавидят за то, что он всегда настоит на своем: зовут «городом бесов». За то, что в 2017 году он отстоял пруд (там хотели построить храм в честь св. Екатерины, покровительницы города), в 2019-м — сквер (на его месте хотели построить тот же храм: после того как Екатерининский собор взорвали в 1930 году, он никак не может найти места, проект блуждает по городу, как нерв).

В последние годы город покрылся церквями, восстановлен храм-колокольня «Большой Златоуст». В годовщины расстрела царской семьи многотысячные толпы богомольцев отправляются в ночной крестный ход. Возник особый тип екатеринбургского благочестия, несколько тяжеловесного, «кержацкого», что ли, — на московский или сибирский, тобольский вкус.

В Москве ведь веет Византией, а в Сибири — Киевом, его Духовной академией, чьи выпускники с XVI века крестили и просвещали Сибирь. Урал, даже когда верует, — самоуверен, живет своим.

И местную икону Божией Матери «Уральскую» (с трогательно заснеженной ветвью ели и Вифлеемской звездой-снежинкой) недавно написали местные мастера. И фарфоровый иконостас

от Сысертского фарфорового завода установили в одном из новых храмов. А как целое — город себя не отдает под пространство любых клерикальных починов. Он не терпит окриков. Даже православно-смирненным — он хочет быть *на свой лад*. Органически. Свободно.

Или причина местной красоты и раскованности — собственно в тонкости? В самой любви к красоте? Которая и не от богатства, и не от науки, хотя сто лет бурного развития и тяги к образованию (почти каждый десятый здесь — студент, их — 140 тысяч из полутора миллионов екатеринбуржцев, насчитанных Росстатом в 2024 году) явно изменили местных людей.

Фото: Елена Бердникова / «Новая газета»

«Здесь люди внушают приезжему нечто вроде ужаса, — писал Чехов домой из Екатеринбурга, где очутился в 1890 году проездом на Сахалин. — Скуластые, лобастые, широкоплечие, с

маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах».

Современные люди, и юноши 2010-х, и более ранние, рождались уже на Сысертском фарфоровом заводе. Статуэтками. Некоторых Данила-мастер, как вазы, из малахита выточил.

А может быть, дело в этом бажовском, сказочном Даниле, бывшем Недокормыше, который и сам был пригляден? («На ногах высоконький, а худой-расхудой, в чем душа держится. Ну а с лица чистенький. Волосенки кудрявеньки, глазенки голубеньки».)

Может быть, дело просто в *идее* красоты, которая владеет этим местом? В том, что люди стремятся воплотить ее — увы вам, казачьи патрули — собой, а не только в слове, вещи, «продукте»? В жесте и поступке?

Он смел, этот город. Ставить на красоту здесь — это сильно.

Дети по-прежнему, как всегда, полны надежд. Верят в лучшее. Катят по ровной плоскости и по изгибам скейт-парка — то навстречу заре, то прочь от нее.

Запомни их, береги их.

* Внесен Минюстом РФ в реестр «иноагентов».